

Может быть, их можно назвать истинными сильными мира сего на этом континенте.

Некоторое время назад государство Шэньчи, которое прежде почти не поддерживало связей с Тяньнянем, внезапно прислало письмо с предложением о династическом браке. Эта новость привела императора Тяньняня в неописуемый восторг. Несмотря на то что сюрприз был весьма неожиданным, он дорожил этой возможностью. В конце концов, кто из правителей не мечтал хоть как-то породниться с государством Шэньчи? Даже просто побывать там уже считалось поводом для гордости, не говоря уж о родственных узах. С такой поддержкой мощь государства Тяньнянь могла бы выйти на совершенно новый уровень!

Ради такого случая император распорядился отремонтировать дворец для приема гостей, а также отобрал и подверг строжайшей муштре группу слуг, пока не убедился, что они выглядят достойно. Что же касается кандидатур для брака, то все юные принцессы, рожденные от разных наложниц, буквально готовы были головы друг другу разбить, лишь бы получить это место.

Даже встречу послов император решил возглавить лично, прихватив с собой наследного принца. Все эти детали красноречиво свидетельствовали о том, насколько высоко он ценит визит гостей из Шэньчи.

Цинь Гэ облачился в алые парадные одежды, полагающиеся лишь для великих праздников, и последовал за облаченными в роскошные наряды императором и императрицей к городским воротам. Позади них выстроились гражданские и военные чиновники. Зрелище было грандиозным и величественным, однако такой размах едва ли мог впечатлить жителей Шэньчи.

Едва прошел полдень, как вдалеке послышался грохот копыт. В поле зрения показались десятки роскошных карет с золотыми основаниями и черной каймой. Окружавшие их конные стражники излучали смертоносную ауру, и даже легкий ветерок, казалось, стал пронизан холодом.

Полог кареты приподнялся, и вслед за тонкой изящной рукой показалось лицо с утонченными, словно выточенными из нефрита чертами. Должно быть, это и был посланник. Император Тяньняня с широкой улыбкой шагнул навстречу. После взаимного приветствия и положенных поклонов делегация направилась во дворец.

— Смею ли я узнать ваше имя? — спросил император.

— Мое имя Сяо Сюань. В этот раз я прибыл от лица нашего императора, чтобы просить руки для династического брака. Мое пребывание здесь может затянуться, и я надеюсь на ваше понимание, если мы доставим какие-либо неудобства.

— Что вы, что вы! Приезд посла из Шэньчи — великая честь для нашего Тяньняня. Располагайтесь, сколько потребуется. Вопрос о браке, разумеется, не терпит спешки.

Пока велись светские беседы, император размышлял: он полагал, что люди из Шэньчи заставят их ждать до самого вечера, а то и до заката, но гости не проявили ни капли высокомерия. Посланник держался с поразительным достоинством — воистину, манеры великой державы. Однако довольный император не заметил, что Сяо Сюань, едва выйдя из кареты, не сводил глаз с Вэнь Цюгу, а во время ходьбы то и дело бросал украдкой взгляды в сторону Цинь Гэ, в которых читалось нескрываемое обожание.

Цинь Гэ, опустив взор, следовал за императором. Он, разумеется, почувствовал на себе этот взгляд, но решил не обращать внимания. Если этот тип осмелится на какие-то вольности, он устроит ему такую кончину, что тот еще пожалеет о своем рождении.

Система 250 внезапно ахнула:

— Это... этого не может быть! Как в мире могла возникнуть такая колоссальная ошибка!

Глядя на своего хозяина, который ничего не подозревал, система решила, что пусть лучше этот человек сам объяснится с Цинь Гэ, а ей самой лучше поменьше говорить, чтобы не совершить новых ошибок. И кстати, нужно вернуться в штаб-квартиру, чтобы выяснить, что вообще происходит.

В главном зале уже были накрыты столы с изысканными яствами и винами. Поскольку статус Шэньчи был выше, Сяо Сюаня усадили по левую руку от императора, рядом с наследным принцем, а места для остальных сопровождающих также оказались весьма почетными. Было очевидно, что Сяо Сюань остался доволен таким приемом: он не переставал улыбаться, хотя трудно было сказать, радовался ли он оказанному вниманию или тому, что сидит рядом с кое-кем конкретным.

Цинь Гэ мысленно усмехнулся: если ты посмел прийти сюда, я помогу тебе усвоить урок! В крайнем случае, изобью его, а потом сотру память — сойдет за разрядку эмоций.

— Цюгу, — напутствовал император, — у меня много государственных дел. Если посланнику Сяо или его спутникам будет чего-то не хватать, позаботься о них как следует, не смей проявлять неуважение к столь важным гостям.

— Сын понял, отец, не беспокойтесь.

Сяо Сюань с улыбкой произнес:

— Тогда впредь надеюсь на ваше покровительство, ваше высочество. Позвольте мне поднести вам чашу вина!

— Вы слишком любезны, господин посол.

После нескольких перемен блюд и чаш вина, когда чиновникам уже пора было готовиться к

утреннему выходу, а гостям — отдыхать после долгого пути, император разрешил всем разойтись. Однако Сяо Сюань перехватил Цинь Гэ в саду.

— Господин посол, есть ли у вас еще какие-то дела? Во дворце не положено находиться посторонним мужчинам, вам лучше поскорее уйти.

Они стояли за искусственной горкой, и из-за камней не было видно, что происходит. Сяо Сюань подался вперед, протянул руку и коснулся пряди волос на груди Цинь Гэ, его голос стал вкрадчивым:

— Неужели ваше высочество уже не узнает старого знакомого? Почему же сейчас вы столь холодны?

Старый знакомый Вэнь Цюгу? Цинь Гэ нахмурился. В сюжете об этом не было ни слова! Неужели этот человек был настолько неважен, что и Вэнь Цюгу, и сам сюжет о нем забыли? И к тому же...

Этот голос, этот жест, эта дистанция — как ни крути, он его соблазняет! Неужели у Вэнь Цюгу была привычка заводить сомнительные знакомства?

Цинь Гэ только хотел выведать, в чем дело, как вдруг почувствовал резкую боль и онемение в затылке. Не успев даже выругаться, он потерял сознание.

Сяо Сюань подхватил обмякшее тело Цинь Гэ и с нежностью поцеловал его в плотно сомкнутые веки.

— Малыш Гэ...

— Ссс... — Едва очнувшись, Цинь Гэ ощутил ноющую боль во всем теле, особенно в одном весьма чувствительном месте.

Он помнил, как вчера вечером Сяо Сюань зажал его за искусственной горкой, кажется, пытался флиртовать... а потом... А! Его ударили! А если судить по нынешнему состоянию... Черт! Его «съели»!

Наглец! Цинь Гэ яростно стиснул зубы. Бросив гневный взгляд в сторону, он увидел, что виновник происшествия преспокойно спит рядом!

Цинь Гэ уже бывал в мирах, похожих на миры боевых искусств, поэтому его навыки были на высоте. Собравшись с силами, он сложил ладонь ребром и нанес резкий удар в горло Сяо Сюаню! Если бы этот удар достиг цели, Сяо Сюаню пришлось бы прямоком отправиться на перерождение.

Но в мгновение ока тот, кто казался спящим, распахнул глаза и ловко откатился в сторону, уклоняясь от удара. Одной рукой он перехватил запястье Цинь Гэ, а когда тот попытался ударить ногой, резкое движение отозвалось болью в самом центре тела. Потеряв равновесие, Цинь Гэ рухнул прямо в объятия Сяо Сюаня.

— Отпусти меня! — Цинь Гэ попытался вырваться, но Сяо Сюань лишь крепче прижал его к себе и прошептал:

— Малыш Гэ, это я.

Цинь Гэ замер. Это обращение, этот тон... не может быть...

— Шэнь... Шэньюй?

— Это я.

Цинь Гэ, забыв о том, что его тело будто разваливается на части, рывком сел и обхватил лицо Лу Шэньюя ладонями. Его голос дрожал:

— Ты... ты же должен был... умереть? Как это возможно? Что... что случилось? Расскажи мне! Скорее расскажи!

— Малыш Гэ, успокойся, я расскажу тебе все по порядку. Не спеши, я никуда не уйду, обещаю.

— Все было так. Когда ты покинул меня, я... без тебя жизнь потеряла всякий смысл, и я принял яд.

Дурак, подумал Цинь Гэ, крепче сжимая его руку.

— Я думал, это конец. Но не ожидал, что снова открою глаза. Когда я пришел в себя, я оказался в младенческой колыбели. Думаю, это и есть то, что называют перерождением.

Лу Шэньюй никогда не задумывался о перерождении, но внезапно нахлынувшие в сознание воспоминания вновь зажгли в нем надежду на будущее.

— Там было две истории. Первая разворачивалась вокруг человека по имени Вэнь Цюгу, а вторая...

Цинь Гэ и внезапно объявившаяся система 250 застыли в изумлении. То, о чем говорил Лу Шэньюй, было... сюжетом?! Но как сюжет, доступный только странникам, мог оказаться в голове человека, не имеющего никакого отношения к Источнику?

— Двести пятьдесят, в вашу штаб-квартиру что, вирус пробрался?

— Хе-хе, я и сама не знаю...

Лу Шэньюй продолжал рассказ.

Прочитав обе истории, он внезапно прозрел: все это до боли напоминало то, что Цинь Гэ рассказывал ему о «сюжете мира». Неужели это и есть мир, куда Цинь Гэ отправился на следующее задание? Значит ли это, что у него есть шанс снова увидеть любимого?

Чем больше он думал об этом, тем вероятнее это казалось. Лу Шэньюй чувствовал, как в его детском теле просыпается невероятная сила. С этой надеждой он с малых лет проявлял необычайные способности: в несколько лет запоминал то, что было не под силу даже подросткам, мастерски владел боевыми искусствами и стрельбой из лука. Он стал знаменитым вундеркиндом государства Шэньчи.

Он ждал. Ждал так долго, что почти отчаялся. Неужели он ошибся?

Но однажды его сердце внезапно забилось чаще — точно так же, как в момент первой встречи с Цинь Гэ. Неужели он пришел? Лу Шэньюй знал, что Цинь Гэ обязательно вселится в тело одного из главных героев, поэтому, ломая голову, придумал этот план с браком, чтобы попасть в Тяньянь.

И действительно, с первого же взгляда он узнал те самые привычки, присущие только Цинь Гэ. Едва сдерживая ликование, переполнявшее его, Лу Шэньюй не бросился к нему сразу. Однако всю дорогу он не мог оторвать от него взгляда, из-за чего Цинь Гэ и принял его за похотливого наглеца.

— Вчера после пира я просто не сдержался и...

Цинь Гэ обнял Лу Шэньюя за шею.

— Не надо, я понимаю.

Будь он на его месте, он сделал бы то же самое. Это не просто желание, это связь между влюбленными, та самая близость, без которой невозможно обрести душевный покой. То, что Лу Шэньюй смог продержаться до конца пира, было уже подвигом.

Для самого Цинь Гэ с момента расставания прошел всего месяц, а его любимый прожил здесь более двадцати лет, просто ожидая его. На сердце стало горько: Лу Шэньюй, ну какой же ты... дурак.

— Пока я могу быть с тобой, что значат эти двадцать лет? Малыш Гэ, главное, что мы снова встретились.

Всего два слова, а в них — вся горечь и сладость жизни Лу Шэньюя. Такая любовь, верная до гроба, — мало кто поверит в нее, если не испытает сам.

— М-м.

Система 250 украдкой вытерла собачью мордочку платком. Люди с холодным сердцем, если уж полюбят, то сгорают дотла. Лу Шэньюй, ты смог растопить это ледяное сердце, ты действительно хорош!

<http://bllate.org/book/18635/1794498>